

Китайскій Благовѣстникъ

КИТАЙСКІЙ
БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Годъ IV.

Выпускъ 5-6.

1907 г.

30 Ноября.

ВЪ ПРОВИНЦІЯХЪ КИТАЯ.

Вскорѣ по усмирени боксерскаго возстанія въ сознаніи Китайцевъ стала крѣпнуть склонность къ ознакомленію со всѣмъ европейскимъ и главнымъ образомъ съ религіей, такъ какъ въ Китаѣ Европа заявила себя съ самаго начала проповѣдницею христіанства и первые иностранцы, миссіонеры вступили въ Китай съ цѣлями пропаганды вѣры. Исканіе вѣры у провинціаловъ выразилось въ образованіи обществъ, въ выборѣ лицъ, въ посылкѣ ихъ въ города и миссіи для собиранія предварительныхъ свѣдѣній, и, какъ можно судить по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ (см. ниже), выборные эти разузнавали вмѣстѣ и о способахъ улучшенія своего положенія путемъ освобожденія отъ чиновничьяго произвола. Однимъ словомъ искали лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ. Одна такая группа посланныхъ явилась въ православную церковь въ г. Ханькоу въ 1901 года. Это были жители мѣстечка Фынъ-коу, провинціи Ху-бэй въ разстояніи 150 верстъ отъ Ханькоу вверхъ по рѣкѣ Янь-цзы. Они осматривали церковь, спрашивали Священника о богослуженіи, порядкахъ, обычаяхъ, праздникахъ православныхъ. Между прочимъ говорили, что въ ихъ мѣстности есть уже миссіонерскія учрежденія протестантскихъ миссій, но-что они не удовлетворены ихъ дѣйствіями, что хотѣли бы имѣть болѣе безпристрастныхъ руководителей въ дѣлѣ вѣры. Въ концѣ концовъ они заявили Священнику—миссіонеру, что

желаютъ принять православіе, что терпятъ многое отъ своихъ чиновниковъ и не прочь бы даже принять русское подданство, чтобы не терпѣть обидъ отъ китайскихъ властей, но пользоваться по справедливости принадлежащими имъ правами на землю и имущество. Они просили миссіонера побывать у нихъ, устроить проповѣдническую школу, молитвенный домъ и пансіонъ для дѣтей школьнаго возраста. Миссіонеръ обѣщаль содѣйствіе лишь въ дѣлахъ вѣры, съѣздилъ въ Фынъ-коу, арендовалъ домъ для школы и оставилъ учителя. Вскорѣ затѣмъ получены были имъ письма съ сообщеніями о желаніи окрестныхъ жетелей того же уѣзда и сосѣдняго съ нимъ также имѣть православныя школы и молитвенные дома, а, если возможно, то и священника, такъ какъ пожелавшихъ слушать ученіе вѣры находилось по спискамъ около трехъ сотъ душъ. Списки представлены были тогда же съ донесеніемъ о всемъ Начальнику Миссіи, бывшему въ то время въ Петербургѣ. За не имѣніемъ опытныхъ учителей, дѣло оглашенія шло туго. Однако въ 1902 году зимою была уже возможность окрестить нѣсколько человекъ. Это было въ пріѣздъ Начальника Миссіи Епископа Иннокентія въ Фынъ-коу. Съ тѣхъ поръ дѣло проповѣди считается тамъ открытымъ. Въ 1904 году трое изъ Фынкоускихъ христіанъ обучались вѣрѣ при Шанхайскомъ миссіонерскомъ станѣ, а въ Фынъ-коу былъ командированъ діаконъ изъ китайцевъ Сергій Чанъ. Устроивъ отдѣльную часовню въ Юань-цзя-коу онъ повелъ регулярную проповѣдь православія, хотя недолго. Успѣхъ возбудилъ зависть протестантскихъ миссіонеровъ, и ихъ сторонники устроили о. Сергію непріятность, заставилъ его удалиться изъ Юань-цзя-коу въ Ханькоу, потомъ въ Шанхай. На запросъ по этому поводу Ханьковскаго Русскаго консула, китайскій чиновникъ отвѣтилъ, что разрушенную часовню о. Сергія китайцы готовы выстроить на свой счетъ. Тогда Начальникъ Миссіи отвѣтилъ имъ, что часовню выстроить Миссія на свои средства, но что жителямъ нужно внушить болѣе дружелюбное отношеніе къ проповѣдникамъ истинной вѣры.

Въ то время, какъ вниманіе Миссіи было отвлечено устройствомъ новыхъ становъ на сѣверѣ и въ провинціи Хэнань, дѣло проповѣди велось понемногу самими крестившимися въ Фынъ-коу китайцами, при чемъ они продолжали организовать христіанскія общины въ окрестныхъ селеніяхъ и собираться по воскреснымъ днямъ для молитвы и слушанія чтенія священныхъ книгъ, возбуждая такимъ образомъ въ язычникахъ ревность къ принятію православія и жертвамъ въ пользу его распространенія. Явились желающіе самимъ дѣломъ заявить о своей преданности дѣлу проповѣди. Такъ, двое изъ христіанъ Василій и Никодимъ купили небольшой участокъ

земли въ Сяо-нань-ванѣ близъ Юань-цзя-коу за 110 долларовъ, причемъ Русскій Консулъ въ Ханькоу не отказался засвидѣтельствовать ее, и ѣздили въ Пекинъ для врученія сей купчей Начальнику Духовной Миссіи, въ надеждѣ привезти съ собою и священника для устройства миссіонерскаго стана на купленной ими землѣ. Но, такъ какъ въ то время, на такое далекое разстояніе—болѣе полуторы тысячи верстъ, отправить изъ Пекина было не-кого, то посланные вернулись безъ священника. Это дало поводъ недоброежелателямъ изъ другихъ исповѣданій распустилъ слухъ, что все дѣло православной проповѣди въ Фынъ-коу велось безъ вѣдома Русской Духовной Миссіи, что всѣ лица дѣйствовали самочинно. Когда слухъ этотъ доведенъ былъ до Начальника Области, то онъ послалъ предписаніе мѣстному начальнику съ запросомъ о томъ, возвратился ли изъ Шанхая православный проповѣдникъ Чанъ, открывшій часовню въ Юань-цзя-коу въ 1904 году? Чиновникъ оказался не въ курсѣ дѣла: онъ не зналъ ни о разрушенной часовнѣ ни о томъ, гдѣ проповѣдникъ Чанъ теперь находится, а потому послалъ въ Юань-цзя-коу солдатъ на мѣстѣ узнать о всемъ, и, если найдутъ, то привести Чана. Слухъ о посылкѣ солдатъ встревожилъ христіанъ, многіе предались бѣгству. А другіе просили письмомъ Начальника Духовной Миссіи удостовѣрить личность и полномочія бывшего у нихъ проповѣдника Чанъ, и только послѣ того, какъ таковое письмо было послано имъ и получено ими, все успокоилось и пришло въ порядокъ.

Другой случай покупки земли христіаниномъ изъ Юань-цзя-коу имѣлъ мѣсто въ Іюль с. г. Куплена была земля въ деревнѣ Ба-манъ-линъ на границахъ Чжунъ-сянскаго и Цзинъ-маньскаго уѣздовъ и купившій ее на мѣстныхъ средства христіанинъ по фамиліи Чжанъ представилъ купчую уѣздному начальнику для засвидѣтельствованія, но тотъ отказалъ ему въ просьбѣ на томъ основаніи, что о полномочіяхъ Чжана не было официально сообщено китайскимъ властямъ, что въ глазахъ ихъ онъ является самозванцемъ....

Для упорядоченія и веденія дѣлъ въ Юань-цзя-коу командированъ русскій монахъ Антоній, пять уже лѣтъ живущій въ Китаѣ и хорошо знающій китайскій разговорный языкъ и китайскіе обычаи.

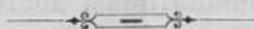
Въ сѣверо-восточной части провинціи Чжи-ли, въ губерніи Юнь-пинъ. Съ осени 1902 г. жители разныхъ мѣстностей сей губерніи обращались къ нашему миссіонеру въ Цзинъ-шань-цзуѣ, прося его пріѣхать къ нимъ, организовать проповѣдь, такъ какъ желающихъ слышать проповѣдь православія много. Не имѣя у себя подходящаго переводчика и будучи незнакомъ съ языкомъ, миссіонеръ этотъ могъ лишь поѣхать, познакомиться со внѣшней стороны съ раскрывающимся полемъ

дѣятельности да свести дружбу съ нѣкоторыми чиновниками. Тогда же начали записываться желающіе принять православіе и слушать ученіе вѣры. Записывались сотнями, но слушать, конечно, всѣ не могли, не имѣли времени, ни средствъ для передвиженія на далекое разстояніе отъ жилищъ своихъ. Поэтому лѣтомъ 1903 г. Начальникомъ Миссіи дозволено было нѣкоторымъ выборнымъ изъ нихъ, пріѣхать въ свободное отъ полевыхъ работъ время на Цзинь-шань-цзуи и тамъ слушать курсъ ученія вѣры, съ тѣмъ, чтобы принявъ святое крещеніе, могли они дома у себя научить вѣрѣ желающихъ. Такъ въ теченіи года подготовилось до тридцати человекъ, которые послѣ испытанія въ вѣрѣ крещены. Но изъ нихъ грамотныхъ было мало, большею частію это были старики, землепашцы, неспособные преподавать ученіе. Необходимо было открыть школу для постоянного наученія малолѣтнихъ и проповѣди взрослымъ. Хотя такая школа была въ Цзинь-шань-цзуѣ, но за дальностью разстоянія отъ селеній Лю-цзя-ина, Тай-ина, Цянь-нань—сьена и др., гдѣ болѣе всего было желающихъ слушать проповѣдь,—одна не могла удовлетворить запроса въ школѣ. Тогда въ 1904 г. Его Преосвященство, Епископъ Иннокентій, купилъ мѣсто, устроилъ станъ, при немъ школу и церковь (см. Изв. Брат. вып. 11 за 1904 г.) въ губернскомъ городѣ Юнь-пинь-фу. Жизнь стана развивалась не вдругъ, пока устроилось внѣшне благополучіе, пока знакомились съ языкомъ, потребность окрестныхъ жителей въ слушаніи слова Божія не была удовлетворена. Да и не было никакой возможности хотя разъ въ годъ посѣтить дома всѣхъ записавшихся христіанъ или ихъ принять у себя: ихъ было уже записано около тысячи душъ. Молодой проповѣдникъ изъ нашей же школы о. Михаилъ Тань, хотя и ревностно исполнялъ свое высокое служеніе, но очевидно было ему одному не возможно было выполнить всей задачи, къ тому же надо было неотлучно находиться при школѣ. Забота объ изысканіи средствъ для стана также отнимала немало времени. Однимъ словомъ, выясилось, что безъ правильной организаціи сѣти станомъ, безъ людей, специально и заблаговременно подготовленныхъ, не возможно вести дѣло съ успѣхомъ. Мѣстные жители учились и крестились, а въ другихъ ближнихъ и дальнихъ пунктахъ только лишь ожидали пріѣзда проповѣдника, усиленно просили Миссію прислать его, но долгое время не получали просимаго. Нѣтъ людей, нѣтъ средствъ, нѣтъ должной организаціи дѣла. И что же, проходитъ такъ годъ, за нимъ другой, а дѣло все не налаживается: миссія томится въ сознаніи своего безсилія дать проповѣдниковъ, и желающіе слышать проповѣдь томятся напраснымъ ожиданіемъ прибытія къ нимъ миссіонера

ми. Тогда слушать о, всѣ не а далекое льникомъ пріѣхать ѱ и тамъ е креще- ть теченіи испытанія большею еподавать наущенія была въ еній Лю- его было ить запро- Епископъ и церковь одъ Юнь- строялось требность овлество- годъ по ть у себя: овѣдникъ ю испол- у не воз- ло неот- ствѣ для зясилось, ѱй, специ- жсти дѣло въ дру- и пріѣзда ю долгое въ, нѣтъ , за нимъ сознаний ть пропо- нссіонера

Истинѣ безпримѣрное въ исторіи церкви положеніе. И тѣ мѣры, которыя принимала Миссія, чтобы помочь горю вполне снимають съ нея отвѣтственность за послѣдствія. А послѣдствія сего оказались весьма печальны: лѣтомъ 1907 г. получилось извѣстіе, что 400 чело- вѣкъ изъ записавшихся въ православіе, отпали, приняли протестант- ское исповѣданіе. А мы, вѣдь, считали ихъ своими! Намъ хотѣлось бы держаться того порядка, который намѣченъ 7-мъ правиломъ 2-го Вселенскаго Собора и 95 прав. 6-го Вселенскаго Собора, гдѣ гово- рится: „Въ первый день дѣлаемъ ихъ (язычниковъ или еретиковъ) христіанами, во второй—оглашенными, потомъ въ третій закли- наемъ ихъ, съ троекратнымъ дуновеніемъ въ лице и во уши: и такъ оглашаемъ ихъ, и заставляемъ пребывать въ церкви, слушать пи- санія, и тогда уже крещаемъ ихъ“. Поэтому у насъ заведено было: сначала записывать въ число православныхъ христіанъ, затѣмъ готовить ихъ оглашеніемъ въ вѣрѣ и наконецъ крестить. Но относительно этихъ четырехъ сотъ чело- вѣкъ Миссія не исполнила своихъ обязательствъ, хотя и приложила всѣ старанія, чтобы пре- дупредить возможность столь печальнаго случая: Начальникъ Ду- ховной Миссії неоднократно входилъ въ Святѣйшій Синодъ съ представленіемъ объ устройствѣ миссіонерскихъ станомъ въ глав- нѣйшихъ городахъ Китая, указывалъ и на средства, чтобы не испра- шивать субсидій отъ Правительства на это благое дѣло, но до сихъ поръ не получилъ еще разрѣшенія, и главнымъ образомъ вслѣдствіе неблагоприятнаго отзыва о семъ Россійскаго Посольства въ Пекинѣ, которое указывало на недостатокъ въ духовной миссії подготовлен- нымъ дѣятелей.

Вѣрѣ въ высшее водительство, Миссія не останавливается ни предъ чѣмъ, и для осуществленія цѣлей открыла катехизаторское училище, объѣзжаетъ, на сколько позволяютъ наличныя силы и средства, чающихъ крещенія, такъ въ нынѣшнемъ году командиро- ваны Иеромонахъ Симонъ съ діакономъ о. Михаиломъ Танъ, мона- хомъ Иннокентіемъ и послушникомъ Павломъ—въ Юнпинфу, Лю- цзяинъ, Тайинъ и друг. мѣстности сѣвернаго Китая; Иподіаконъ Сергій съ учителемъ Иваномъ Жунъ—въ Юаньцзякоу Хубэйской провинціи; учитель Шанхайской школы З. Поповъ съ китайскими переводчиками—въ Фучжоу и Амой. Каковъ будетъ успѣхъ, это пока- жетъ будущее, Миссія будетъ довольна хотя бы сознаниемъ испол- неннаго долга. А если далеко не всѣ изъ жалающихъ слышать пропо- вѣдь, услышать ее, то въ этомъ Миссія не будетъ виновата.

ФРАНЦУЗСКІЯ КАТОЛИЧЕСКІЯ МИССІИ ВЪ ДЕВЯТНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

(Переводъ съ французскаго—Ю. Васильева).

ГЛАВА IV.

ЮГО—ВОСТОЧНОЕ ЧЖИЛИ.

(Продолженіе, см. выт. 3-4. Кит. Бл.)

Около конца 1856 года, декретомъ Пропаганды провинція Чжили раздѣлялась на три викаріата: сѣверный, или пекинскій съ еп. Мули во главѣ и западный, или Чень-тинъ-фу (Tcheng-ting-fou) —ввѣренный еп. Ануиль—остались въ вѣденіи лазаристовъ, а юго-восточный былъ переданъ іезуитамъ. Объ этомъ-то викаріатѣ мы и дадимъ краткій отчетъ.

СТРАНА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.

Новый викаріатъ простирается съ сѣвера на югъ между 35-мъ и 39-мъ градусами сѣверной широты и между 114 и 117 градусами долготы (отъ Гринвича), т. е. на пространствѣ земли въ 100 миль длиною и отъ 20 до 30 шириною. Онъ заключаетъ въ себѣ 3 первоклассныхъ градоначальства (фу),—Хо-киень (Ho-kien) на сѣверъ, Гуанъ-пинъ (Kouang-ping) и Тай-минъ (Tai-ming) на югъ; и два градоначальства второго разряда чеу (tcheou), занимающія почти среднюю часть викаріата: Шень-чеу (Chen-tcheou) и Ки-чеу (Ki-tcheou), все вмѣстѣ занимаетъ 39 подпрефектуръ (волостныхъ управленій). Въ 1857 году здѣсь считалось около 10 милліоновъ жителей.

Общимъ своимъ видомъ, страна ничѣмъ не отличается отъ остальной провинціи. Если, напримѣръ, изъ Хо-киень, вы отправитесь къ Тиньцзину, на сѣверо-востокъ, къ Пекину,—на сѣверъ, въ Бао-динъ-фу и Чень-тинъ-фу, на западъ, вы увидите все ту же равнину безъ единаго пригорка, никакого выдающагося оригинальностью селенія, никакого памятника, достойнаго вашего вниманія. Отмѣтимъ однако на сѣверѣ озеро Мо-чеу (Mo-tcheou) образовав-

шеся отъ ежегоднаго разлива нѣсколькихъ рѣкъ, протекающихъ черезъ него, и которое осенью бываетъ покрыто рыбацкими лодками; рыбаки собираютъ съ него богатую добычу при помощи хорошо дрессированныхъ баклановъ. Когда небо ясно на сѣверо-западной части горизонта можно различить линію сѣроватыхъ облаковъ какъ бы выходящихъ изъ голубыхъ водъ; это горы, находящіяся на сѣверо-западъ отъ Пекина. На юго-западѣ отмѣтимъ также холмы Цзянь-чеу (Ts'en-tcheou) и Хань-таня (Han-tan): здѣсь находится большой городъ Бонъ-ченъ (Pong-tcheng), центръ производства и торговли гончарными издѣліями, откуда они отправляются въ баркахъ, на телѣгахъ и тачкахъ на далекія разстоянія.

Главные сообщенія съ моремъ составляютъ Ша-хо (Cha-ho), которая идетъ отъ Гуанъ-пинъ-фу (Kouang-ping-fou) въ Тяньцзинь, проходя къ сѣверу отъ Хянь-хяна (Hien-hien) въ одной милѣ отъ центральной резиденціи, и Юнь-лянъ-хо (Jun-lang-ho) или Ю-хо (Ju-ho), извѣстнаго подъ названіемъ, Императорскаго канала,“ который проходитъ въ двухъ миляхъ отъ Тай-минъ-фу и направляется къ Тяньцзину. Большая дорога, соединяющая императорскія дороги, восточную и западную, идущая отъ Пекина на югъ Китая, пересѣкаетъ отъ сѣвера къ югу часть Хо-кянь-фу (Ho-kien-fou).

Хотя Чжили находится на широтѣ Испаніи, зима тамъ очень суровая и термометръ колеблется между 6-ю и 15-ю градусами ниже нуля. Такъ какъ морозы бываютъ очень сухіе, здѣсь не испытывешь того же ощущенія, что въ сырыхъ странахъ, при такой же температурѣ; можно сказать, что зима здѣсь благопріятна для европейца. Но, какъ только солнце растопило ледъ, не болѣе какъ черезъ два мѣсяца, холодъ смѣняется жаромъ, который подчасъ бываетъ невыносимъ, особенно, когда въ продолженіи нѣсколькихъ дней дуетъ свѣжій юго-западный вѣтеръ, тогда термометръ показываетъ въ тѣни 35 и даже 40 градусовъ; вихри пыли покрываютъ небо и затемняютъ небо такъ, что въ домахъ дѣлается темно. Около половины іюля начинается періодъ дождей; когда они идутъ правильно и не слишкомъ часто,—это счастье для земледѣльцевъ, которые предвидятъ хорошій урожай осенью: но если дождей мало,—наступаетъ засуха: если же они обильны или слишкомъ часты, многочисленныя высохшія русла потоковъ переполняются водой, разливаются и затопляютъ посѣвы. Въ обоихъ случаяхъ же голодъ со своимъ печальнымъ слутникомъ—толпами голодающихъ, грабящихъ все, что попадется по дорогѣ, гдѣ они проходятъ, эпидемическія болѣзни, косящія населеніе и обѣдняющія жителей на долгіе годы, которые и при хорошемъ то урожаѣ едва имѣютъ чѣмъ жить. Бѣдность, вотъ что характеризуетъ населеніе Чжили:

С И

І И.

провинція
синскій съ
g-ting-fou)
зь, а юго-
іатъ мы и

жду 35-мъ
градусами
100 миль
ебѣ 3 пер-
на сѣверъ,
югъ; и два
ція почти
Xi-tcheou),
равленій).

злей.
ается отъ
вы отпра-
а сѣверъ,
все ту же
оригиналь-
вниманія.
образовав-

правъ былъ епископъ Дюбаръ, взявшій своимъ апостольскимъ девизомъ: *Evangelizare pauperibus* (проповѣдывать Евангеліе бѣднымъ).

Это не потому, что равнина Чжили неплодородна; въ хорошіе годы она даетъ послѣдовательно одинъ за другимъ 2 сбора; но населеніе здѣсь слишкомъ скученное, земля слишкомъ разбита на мелкіе участки, торговля слишкомъ незначительна, промышленность слишкомъ ничтожная и жатва очень ненадежная. Главныя злаковыя растенія составляютъ хлѣба, рѣдко дающіе полный урожай, такъ какъ весной дожди очень рѣдки. Осенью собираютъ сорго, (гаолянъ), которымъ кормятся бѣдняки, и имъ же кормятъ лошадей и муловъ или, въ очень большомъ количествѣ изъ него приготавливаютъ шао-дзю (*Chao-tsiou*), водку, единственное вино извѣстное въ Чжили. Стебли сорго идутъ на топливо, особенно на сѣверѣ, гдѣ не хватаетъ каменнаго угля. Просо служитъ основной пищей крестьянамъ, стебли его, очень мелко нарезанные замѣняютъ дойному скоту сѣно и европейскому люцерну. Кукуруза, введенная всего нѣсколько лѣтъ въ Китай, хорошо оклиматизировалась и все болѣе входитъ въ обиходъ народа. Въ нѣсколькихъ волостяхъ процвѣтаетъ хлопокъ. Въ другихъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ культивируютъ земляные орѣхи. Изъ Шанхая и Канта пріѣзжаетъ много купцовъ скупать масло, выжимаемое изъ этого растенія, которое соперничаетъ съ кунжутнымъ. Фруктовыя деревья не разнообразны и жужуба, груши, яблоки, абрикосы, персики и виноградъ далеко не такъ вкусны, какъ во Франціи.

ОСНОВАНІЕ МИССІИ.

Интересно было бы отыскать происхожденіе тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ христіанъ, которыхъ новые миссіонеры нашли въ Чжили и которые числились согласно отчету за 1663 годъ въ городѣ Хокянь-фу (*Ho-kien-fou*) въ количествѣ 2000 человекъ. Достоверно, что, какъ только іезуиты основались въ Пекинѣ, въ этихъ округахъ было проповѣдано Евангеліе; нѣсколько древнихъ христіанскихъ общинъ относятъ ихъ происхожденіе къ концу царствованія династіи Минъ, въ началѣ XVII столѣтія; онѣ насчитываютъ отъ 7 до 9 поколѣній. Во второй половинѣ XVII столѣтія французскіе іезуиты рассказываютъ, въ своемъ повѣствованіи о путешествіи изъ Пекина въ Нанкинъ, о каменномъ мостѣ, украшенномъ скульптурой и борельефами, находящемся въ деревнѣ Шань-кяо (*Chan-kiao*), въ одной милѣ къ югу отъ Хянь-хяня (*Hien-hien*), гдѣ мы насчитываемъ нѣсколько христіанскихъ семей, имѣющихъ уже нѣсколько поколѣній. Въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія въ письмахъ миссіонеровъ упоминается

о гоненіи, возникшемъ въ Жень-кю (Jen-kieu), находящемся въ сѣверной части Хо-кяня. Старики изъ семьи Ли изъ Линъ-шанъ-сѣ (Ling-chang-seu) говорятъ, что одинъ изъ ихъ предковъ, въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи, отправился въ Пекинъ для продажи воловьихъ жилъ для тетивы на луки,—эта торговля процвѣтаетъ и теперь въ этой деревнѣ, случайно зашелъ въ церковь отцовъ португальцевъ (Nap-t'ang); катехизаторы приняли его очень любезно, поставили въ истинахъ вѣры и на слѣдующій годъ онъ явился къ миссіонерамъ со спискомъ именъ нѣсколькихъ семей, которыя просили прислать священника; это можно отнести на 150 лѣтъ назадъ. Въ первые года этого столѣтія, въ царствованія Кіа-кина (Kia-king) (1796-1820) христіане Хо-кянь-фу (Ho-kien-fou) подверглись гоненію. Начальникъ подпрефектуры Жень-кю (Jen-kieu), узнавъ, что семейство Кинъ изъ Чанъ-кю-чоана (Tchang-kia-tchoang) построило, вопреки императорскимъ указамъ, католическую часовню, гдѣ собирались христіане, явился самолично разслѣдовать дѣло; онъ приказалъ арестовать главу семьи и, не будучи въ состояніи заставить его отречься отъ вѣры, донесъ о немъ императору, который подвергъ его ссылкѣ; онъ умеръ въ Канъ-су (Kan-sou) сохранивъ вѣру. Въ эту именно эпоху имѣли мѣсто масса отреченій отъ вѣры причемъ перечисляются такія-то и такія-то деревни, въ Хо-кянь-фу (Ho-kien-fou) и другихъ мѣстахъ, гдѣ осталось только воспоминаніе о христіанскихъ общинахъ процвѣтавшихъ здѣсь въ прежніе времена.

Послѣ Тяньцзинскаго договора 1861 года, и указа Императора Тонъ-че (Tong-tche) охраняющаго миссіонеровъ, изданнаго вскорѣ послѣ этого, миссіямъ были официально уступлены участки земли въ городахъ Хо-кянь-фу (Ho-kien-fou), Шень-чеу (Chen-teheou) и Гуанъ-бинъ-фу (Kouang-ping-fou) и въ другихъ мѣстахъ, въ возмѣщеніе за имущество, которымъ они владѣли прежде и которое, во время религіозныхъ гоненій перешло въ общественную или частную собственность. Правительствомъ и французской дипломатической миссіей были посланы официальные бумаги, которыми утверждались за епископомъ Лангилла (Languillat), викаріемъ, въ вѣчное владѣніе участки, на которыхъ находились старыя общественныя зерно хранилища при условіи, что на нихъ будутъ строиться зданія единственно съ религіозною цѣлью и ни на что другое ихъ не употребятъ. Къ декрету Пропаганды 1856 г., который раздѣлялъ провинціи Чжили, былъ прибавленъ другой, которымъ новый юго-восточный викаріатъ ввѣрялся Адриану Лангилла (Adrien Languillat), бывшему уже нѣсколько лѣтъ миссіонеромъ въ Кіанъ-нанъ (Kiangnan). Ему было назначено три помощника: о. о. Сика (Sica), нас-

тоятель, Кассэ (Cassé) и Косинъ (Caussin). Съ марта мѣсяца 1857 новый викаріатъ былъ освященъ еп. Мули въ Чао-кя-чаанъ (Tchao-kia-tchoang) въ Вей-хянъ, избранномъ центромъ миссіи въ этой провинціи.

Первые года были очень тяжелы, т. к. все нужно было создавать снова, а къ матеріальнымъ нуждамъ, вскорѣ присоединились новые испытанія, болѣзнь заставила нѣсколькихъ миссіонеровъ вернуться въ Кіанъ-нанъ (Kiang-nan), нѣсколько другихъ умерли. „Какое зрѣлище!“ пишетъ по этому поводу, въ одномъ изъ писемъ ярко рисуящемъ эти времена, одинъ новый миссіонеръ, прибывшій послѣ тяжелаго путешествія въ Чао-кя-чанъ, котораго тамъ не ожидали, о прибытіи котораго не извѣстили, какое зрѣлище для вновь прибывшаго! 500 человекъ христіанъ на колѣняхъ и большая часть изъ нихъ рыдаетъ; епископъ съ митрой на головѣ и крестомъ въ рукахъ, одѣтый въ черное, стоитъ около рѣшетки; около него о. о. Брюйеръ (Bruyer) и Губо (Goubaud); передъ нимъ гробъ. Я не зналъ приблизиться мнѣ или попытаться назадъ. Вдругъ епископъ Лангилла вскрикиваетъ: „Вотъ новый отецъ какъ благо Провидѣніе, братія!“ Епископъ плакалъ. Онъ проливалъ слезы отъ огорченія, что потерялъ О. Кассе, старшаго надъ братіей и отъ радости, что прибылъ новый братъ.

Однако Чжао-кя-чоанъ (Tchao-kia-tchoang) былъ слишкомъ удаленъ отъ Тяньцзина, этого транзитнаго порта, служащаго для сообщенія съ Европой, чтобы остаться центромъ миссіи. Было рѣшено приблизиться къ сѣверу и избрали Чжанъ-кя-чонъ (Tchang-kia-tchoang), въ Хянъ-хянъ (Hien-hien). Весной 1861 года тамъ построили нѣсколько комнатъ для миссіонеровъ; и 3 декабря 1863 епископъ Лангилла заложилъ тамъ первый камень церкви во имя „Святого сердца“ (Sacreoeur).

Весною 1865 года, Пій IX попросилъ еп. Лангилла покинуть столь дорогую его сердцу миссію, чтобы стать во главѣ викаріата въ Нанкинъ, а вскорѣ послѣ этого узнали, что о. Дюбаръ (Dubar), провозглашенный епископомъ Канафскимъ, долженъ замѣстить его въ юго-восточномъ Чжили. Годъ спустя около праздника Пасхи въ 1866 году, прибылъ какъ гость миссіи о. Фессаръ (Fessard,) который посѣщалъ уже миссію въ Кіанъ-нанъ (Kiang-nan) отъ имени настоятеля. Вернувшись въ Шанхай, онъ отправилъ въ качествѣ начальника миссіи въ Чжили о. Иосифа Гонне (Joseph Gonnet,) который уже нѣсколько лѣтъ исполнялъ тѣ же обязанности въ Кіанъ-нанъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ о. Гонне исполнялъ обязанности начальника миссіи и провикарія и вполне оправдалъ репутацію выдающагося администратора.

Въ 1857 году викаріатъ насчитывалъ лишь 9500 христіанъ; въ 1860—было болѣе 10000 и въ 1865 году достигло до 13000. Это доказываетъ, что хотя работниковъ (проповѣдниковъ) было мало, они всетаки усердно трудились; Богъ благословлялъ ихъ трудъ и дѣлалъ его плодотворнымъ; ежегодникъ Пропаганды вѣры могъ дать слѣдующій отзывъ о молодой миссіи: „Распространеніе вѣры здѣсь прогрессируетъ съ каждымъ годомъ.“

ГОНЕНІЕ.

Однако гоненіе, это почти неизбѣжное подтвержденіе всякаго божескаго дѣла, не заставило себя ждать. Оно разразилось внезапно; распространяя всюду отчаяніе, возстаніемъ Чанъ-мао (Tchang-mao). Почти годъ типы повстанцевъ наводняли миссію, внося ужасъ и опустошеніе. „Съ крышъ нашихъ лачугъ, писалъ одинъ миссіонеръ, мы могли видѣть долину покрытую бѣглецами, покидавшими свои очаги, тащащими коекакую провизію, влекущими за собою женщинъ и дѣтей, бѣгущими въ разныя стороны и думающими найти спасеніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ они еще не были. Ежедневно мы также наблюдали, что императорскія войска то проходили, то уходили, подъ предлогомъ преслѣдованія врага, усугубляя всеобщее бѣдствіе своими погромами.“

23 Февраля 1868 года съ утра на горизонтѣ показались многочисленные группы всадниковъ, мятежники приближались. Сначала они напали на городъ Хянь-хань (Hien-hien), который былъ покинутъ солдатами и жителями субпрефектъ, выданный, говорятъ, арестованными, былъ убитъ, а его тѣло, съ котораго содрали всѣ одежды, проволочилось три дня на улицѣ, еле прикрытое рогожкой. Ободренные такой легкой побѣдой въ началѣ, мятежники явились въ резиденцію подъ предлогомъ реквизиціи лошадей, которыхъ имъ было нужно; двери были взломаны и они вторглись въ помѣщеніе миссіи; три часа подрядъ длился грабежъ. Въ то время, какъ нѣсколько миссіонеровъ шли по пятамъ за грабителями, стараясь смягчить ихъ звѣрство, вырывая отъ нихъ учениковъ или семинаристовъ, которыхъ они хотѣли увести насильно, епископъ Дюбаръ молился въ церкви, стоя на колѣняхъ, гдѣ женщины и дѣти, обезумѣвшія отъ ужаса, жалась къ нему ища защиты. Варвары бросались сюда нѣсколько разъ; часто сабля сверкала надъ головой епископа и копье было направлено противъ его груди, но онъ оставался въ прежней позѣ. Богъ удовлетворился его смиреніемъ и не дозволилъ, чтобы хоть одна женщина, изъ напешшихъ убѣжище въ церкви, перенесла бы какое либо оскорбленіе отъ разбойниковъ.

Пришли извѣстія о появленіи новыхъ, еще болѣе многочисленныхъ и жестокихъ, шаекъ разбойниковъ. Нужно было покинуть резиденцію и разѣяться до болѣе спокойныхъ дней.

Начальникъ миссіи, о. Ганно, отправился въ Тяньцзинь, чтобы заpastись тамъ всѣмъ необходимымъ для миссіонеровъ, ибо ихъ совершенно ограбили. Еп. Дюбаръ и нѣсколько отцовъ скрывались у окрестныхъ христіанъ и поспѣшили вернуться въ разграбленную миссію, какъ только услышали объ уходѣ мятежниковъ въ другія мѣста. За это время не было недостатка въ выраженіяхъ соболѣзнованія и счувствія со стороны христіанъ. Христіане викаріата, европейцы концессіи въ Тяньцзинѣ, все слѣшили выразить участіе по поводу случившагося несчасія съ миссіей. Но ничто такъ не тронуло сердца епископа и братьевъ, какъ трогательное письмо еп. Ануйль (Anouilh). „Мы готовы раздѣлить съ Вами все, что мы имѣемъ. Будьте добры, сообщите просто въ чемъ вы нуждаетесь. „*Qui habet duas tunicas det non habenti...*“ (у кого двѣ одежды—пусть дастъ не имущему). Письмо заканчивалось словами: „Пусть у насъ будутъ общими какъ наши труды, такъ и наши успѣхи, печали и радости, и нашимъ тѣснымъ союзомъ мы порадуемъ св. Игнатія и Винцента, взирающихъ на насъ съ ихъ лона славы. *Yestra sunt mea et nostra sunt tua*“. Такимъ образомъ утѣшали другъ друга исповѣдующіе вѣру члены первоначальной церкви.

Послѣ такихъ тяжкихъ испытаній наступили мирные года. Тяньцзинское избіеніе 1870 года заставило опасаться отвѣтнаго возстанія въ Чжили; однако ничего не произошло и еп. Дюбаръ, находившійся въ это время уже въ Ватиканѣ, могъ узнать, что его дорогая миссія пользуется полнымъ миромъ. Число христіанъ, достигавшее 20000 въ 1871 году, увеличилось до 28000 въ 1877. Въ то время миссія насчитывала 1 викарія, 18 священниковъ европейцевъ и 2 мѣстныхъ священника бѣлаго духовенства, 4 учителя, изъ которыхъ двое туземцы; 6 братьевъ помощниковъ и 45 семинаристовъ. За нѣсколько послѣднихъ лѣтъ она потеряла 6 миссіонеровъ, изъ которыхъ 3 только что начали карьеру.

Все процвѣтало и казалось обѣщало приносить съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обильные плоды, благодаря увеличенію числа миссіонеровъ, труды которыхъ Богъ такъ явно благословлялъ. Когда наступилъ ужасный голодъ, сопровождавшійся эпидемическими болѣзнями, которыя свирѣцтовали около двухъ лѣтъ въ Чжилійской миссіи, унося миссіонеровъ и разсеѣвая христіанъ, изъ числа которыхъ многіе умерли отъ голода и нищеты.

Весной 1877 года епископъ писалъ: Зима была жестокая: все

бѣдствовали; нѣкоторые изъ нашихъ христіанъ, стѣснявшіеся просить милостыни, умерли съ голоду въ своихъ лачугахъ безъ жалобъ, безъ ропота, можно сказать не сожалѣя о жизни. Послѣднія слова ихъ были: „Позовите отца, я умираю.“ Въ теченіи года положеніе ухудшилось, урожай погибъ и съ сентября мѣсяца толны христіанъ и язычниковъ эмигрировали въ провинціи не такъ сильно пострадавшія отъ бѣдствія. Тифъ началъ свирѣпствовать: первой его жертвой былъ о. Рабодго, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ назначенный начальникомъ миссіи; онъ умеръ 24 марта 1878 года, въ то время какъ еп. Дюбаръ былъ въ Шанхаѣ, куда его звалъ еп. Дангилла для исполненія обряда посвященія въ духовный санъ, котораго не могъ совершить самъ по болѣзни. 3-го мая его преосвященство возвратился въ резиденцію. Какая печальная переменъ представилась его взорамъ. Изъ 12 священнослужителей, что онъ оставилъ, только 4 были здоровы; настоятель отошелъ на небеса, дабы получить награду за свои труды; нѣсколько отцевъ или братьевъ, заболѣвшіе тифомъ, причастились или должны были принять послѣднее причастіе. Братъ Пельтъ, неутомимый завѣдующій больницей, ухаживавшій съ начала эпидеміи болѣе чѣмъ за 300 тифозными, окрестившій болѣе 200 умиравшихъ дѣтей и обратившій множество язычниковъ передъ ихъ смертью,—умеръ 28 апрѣля. 3-го мая о. Эдель писалъ своему другу во Францію. „Если телеграфъ извѣститъ васъ въ скоромъ времени, что и вашъ старый другъ палъ подъ тяжестью обрушившихся несчастій, не огорчайтесь, возблагодарите Господа, что Онъ далъ ему умереть въ общинѣ и никогда не забывайте его въ молитвахъ объ усопшихъ.“ Черезъ одиннадцать дней его пророческія опасенія сбылись.

Въ то время какъ миссію посѣтило это новое горе, еп. Дюбаръ отправился посѣтить братьевъ, которыхъ послушаніе удерживало на Югѣ; онъ поочередно побывалъ въ округѣ Ки-чеу (Ki-tcheou) и Гоанъ-бинъ-фу (Koang-Ping-fou), раздавая милостыню, полученную отъ христіанъ Франціи и Шанхая, утѣшая и укрѣпляя миссіонеровъ и ихъ христіанъ. Только, что вернувшись въ резиденцію онъ узнаетъ, что еще одинъ отецъ заболѣлъ тифомъ въ У-кiao (Ou-k'iao). Не отдохнувъ, онъ отправляется снова въ путь. Здѣсь его ожидаетъ награда,—черезъ нѣсколько дней онъ самъ заболѣлъ. Утромъ 1-го іюля, который долженъ былъ быть его послѣднимъ днемъ, іеромонахъ, прибывшій изъ резиденціи при первомъ извѣстіи о его болѣзни, предложилъ ему принять Св. Тайны. „Думаете ли вы, сказалъ онъ удивленно, что уже пришелъ конецъ?“ Послѣ полудня іеромонахъ снова предложилъ ему причаститься, больной согла-

сился; нѣсколько времени готовился, затѣмъ, въ въ полномъ сознаніи, слѣдя за всѣми молитвами литургіи, онъ причастился, былъ миропомазанъ и соборованъ. Около половины одиннадцатаго вечеромъ онъ вскрикнулъ, начался кризисъ, а вскорѣ и агонія. Черезъ короткое время, поднявъ взоры къ небу съ выраженіемъ лучезарной надежды, епископъ Дюбаръ тихо предалъ свою душу въ руки Господа.

Этотъ жестокій ударъ не закончилъ еще, увы, испытанія миссіи; о. о. Д. Дювель и Бономе, унесенные тифомъ послѣдовали на небеса за своимъ настоятелемъ епископомъ и братьями. Но изъ провинціи Шампанъ прибыли подкрѣпленія въ послѣдующіе года и такимъ образомъ вакантныя мѣста были быстро заполнены. За работу принялись съ новымъ усердіемъ и Богъ благословилъ труды миссіонеровъ. Въ 1878 году въ миссіи считали 27000 христіанъ: въ 1880 году, когда епископъ Андрей Бюльте (Henri Bulte) прибылъ изъ Шанхая, чтобы принять управленіе миссіей послѣ еп. Дюбара, онъ нашелъ около 29000 христіанъ и 6000 оглашенныхъ, съ 34 миссіонерами-европейцами и 7 китайцами. Въ 1884 году, когда о. Гонпе былъ уволенъ отъ должности настоятеля, которую онъ занималъ 18 лѣтъ и замѣщенъ о. Бекеромъ, миссія считала 33000 христіанъ, 42 миссіонера европейца, 11 учителей, изъ которыхъ-4 китайца и 9 священниковъ-китайцевъ. Въ 1894 г., когда о. Маке замѣстилъ Беккера, она насчитывала болѣе 41000 христіанъ. Наконецъ въ 1899г. она считаетъ ихъ въ количествѣ 48921, раздѣленныхъ слѣдующимъ образомъ: Хо-кѣнь-фу (Ho-kien-fou) 25930; Шень-чеу (Chen-tcheou) 3881; Кичеу (Ki-tcheou) 3940; Гуанъ-бинъ-фу (Kouang-ping-fou) 11926; Тай-минъ-фу (Tai-ming-fou) 3544; 6826 оглашенныхъ и 675 готовящихся принять христіанство. Кромѣ еп. Бюльте, викарія, тамъ находятся 56 священниковъ, изъ которыхъ 46 іезуитовъ (40 европейцевъ и 6 китайцевъ), и 10 священниковъ—китайцевъ, блага духовенства; 11 братьевъ-помощниковъ (8 европейцевъ и 3 китайца), 438 катехизаторовъ и 271 монахъ обучаютъ въ школахъ болѣе 5000 дѣтей и занимаютъ другія должности въ миссіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИНА ЛЯНЬ.

Разсказъ пекинскаго миссіонера.

Ясное іюньской утро. Еще ночная роса не спала съ деревь и курстарника въ миссійскомъ саду, и солнечные лучи дражатъ и разсыпаются въ капляхъ росы серебрянными иглами. Въ монастырской церкви отслужена уже литургія, но ученики не спѣшатъ идти въ столовую пить чай, а пробираются по-одному и группами черезъ садъ къ воротамъ женской общины, гдѣ у сторожки видна уже порядочная толпа китайцевъ мужчинъ и женщинъ, и видны красные костюмы носильщиковъ и ихъ войлочные шляпы съ султанами. Идутъ приготовленія къ похоронамъ. Красивый полированный гробъ стоитъ въ дверяхъ сторожки на высокихъ красныхъ подставкахъ, ему нѣтъ мѣста въ тѣсной комнаткѣ, гдѣ жилъ покойникъ. И священникъ китаецъ и пѣвчіе группируются вблизи гроба на открытомъ воздухѣ. Вотъ розданы свѣчи и стройное пѣніе „Непорочныхъ“ огласило воздухъ, связуя всѣхъ присутствующихъ однимъ настроеніемъ, печальнымъ и въ то же время молитвеннымъ. Молились о упокоеніи новопреставленнаго раба Божія Мины. Не слышно было рыданій въ толпѣ, не видно бѣлыхъ траурныхъ одеждъ: всѣ здѣсь знали, что у Мины нѣтъ родственниковъ, потому каждый отдавалъ ему долгъ родства духовнаго, христіанскій долгъ. Потому погребеніе его, устроенное на миссійскія средства, было такъ торжественно обставлено. Всѣ издавна знали Мину, хотя въ послѣднее время онъ не выходитъ изъ сторожки, больной доживалъ свой вѣкъ, получая содержаніе ночнаго сторожа отъ миссіи. Хорошо, что въ Пекинѣ ночныхъ воровъ нѣтъ, особой бдительности не требуется.

Окончилась литія и гробъ тихо подняли на носилкахъ, онъ такъ тяжелъ, что едва могутъ нести его восемь человекъ специальныхъ носильщиковъ изъ церемоніальной лавки. Церемоніймейстеръ идетъ впереди постукивая деревянными палочками всякій разъ, какъ только нужно мѣнять рукоятки съ одного плеча на другое. Впереди несутъ крестъ, вся процессія направляется черезъ садъ ко святымъ воротамъ, а чрезъ нихъ выходитъ на улицу. Звонъ съ монастырской колокольни привлекаетъ толпы китайцевъ, которые провожаютъ процессію за городъ.

Опустѣла комнатка, въ которой долго лежалъ больной Мина; бѣдень онъ былъ, —ничего не оставилъ послѣ себя; и когда гробъ

вынесли, въ комнатѣ осталась только соломянная циновка на лежанкѣ, трубочка, да кисеть съ табакомъ; да пара дырявыхъ туфель на подь-оконникѣ. А было время, когда Мина былъ хозяиномъ, имѣлъ своего ослика и возилъ овощи на базаръ. Правда, это было давно, лѣтъ сорокъ тому назадъ. И случилось въ то время Минъ, онъ еще тогда не былъ крещенъ и назывался Фу-Да-Лянемъ,—ожидать вмѣстѣ съ другими торговцами—когда отопруть городскія ворота, а вею ночь предъ тѣмъ дождь лилъ какъ изъ ведра и у городскихъ воротъ образовалась огромная, глубокая лужа; въ то же время ѣхалъ въ телѣгѣ русскій миссіонеръ Иеромонахъ Исаія, просвѣтитель деревни Дундинань, и, по неосторожности кучера, телѣга, заѣхавъ въ лужу, свалилась однимъ колесомъ въ глубокую яму, оглоблями сбило лошадь съ ногъ; она билась въ водѣ, запуталась ногами въ веревочной упряжи и не могла двинуться съ мѣста. Телѣга, между тѣмъ, все болѣе накренивалась на бокъ и наполнялась водой. Когда изъ телѣги показалась высокая фигура европейца, всѣ стали смѣяться, глядя на его испуганное лицо и видя его безпомощное положеніе. Только одному Фу-Да-Ляню жалко стало иностранца и онъ, быстро сбросивъ съ своего ослика корзины съ огурцами, кинулся въ воду, которая достигала ему подмышки, и, добравшись до телѣги, онъ заботливо усадилъ о. Исаію на ослика, подставивъ свою спину вмѣсто стремянъ, которыхъ при его убогомъ сѣдлѣ не было, и вывезъ миссіонера на сухое. Телѣга, между тѣмъ, упала на бокъ и поплыла. Лянь во второй разъ побрелъ къ телѣгѣ за вещами, которыя тоже плавали, досталъ ихъ и на своемъ осликѣ доставилъ о. Исаію до двора миссіи. Плату за это онъ наотрѣзъ отказался получить, потому-де, что никакой рады о цѣнѣ не было, между тѣмъ какъ самъ онъ рисковалъ упустить время базара и лишиться заработка. Лянь торопился ѣхать обратно, такъ что о. Исаія успѣлъ лишь вдогонку ему крикнуть: „Пріѣзжай въ воскресенье“. Съ тѣхъ поръ они сдѣлались знакомыми, если не болѣе,—друзьями. Лянь узналъ, когда бываетъ у христіанъ воскресенье и сталъ навѣщать о. Исаію. Они почасту бесѣдовали, ходили вмѣстѣ въ церковь; Лянь даже сталъ грамотѣ учиться, чтобъ читать тѣ книги (молитвословъ и катихизисъ) на китайскомъ языкѣ, которыя подарилъ ему о. Исаія. Такъ прошло болѣе года, и, вотъ когда Лянь выразилъ желаніе креститься, подъ одинъ большой праздникъ надъ нимъ совершенно было таинство крещенія, съ большою торжественностью; самъ о. Исаія пожелалъ воспринимать его отъ купели и Мина всегда гордился тѣмъ, что имѣетъ такого духовнаго отца. Мина и потомъ не забывалъ церкви. Оплакавъ кончину о. Исаіи, онъ долгое время оставался на службѣ мис-

сіи при дворѣ, потомъ опять долгое время жилъ заработками; только слабость, привившаяся къ нему (онъ выпиваль) при знакомствѣ съ русскими, сильно подрывала его благосостояніе. Какъ-то онъ лишился ослика и совсѣмъ пришелъ въ бѣдность, такъ что и милостыней не гнушался; а какъ только бывало поспѣютъ персики, такъ онъ опять становился на ноги; приторговываль и питался отъ трудовъ своихъ. Въ моей памяти ясно сохранился обликъ Мины, старичка лѣтъ шестидесяти, низенькаго роста, нѣсколько сгорбленнаго, съ добрыми, живыми глазами и костлявыми, мозолистыми руками, и помнится случай изъ его жизни, уже въ мое время бывшій. Случай такой.

По усмирениі боксерскаго возстанія, когда иностранныя войска заняли Пекинъ, они раздѣлили его на восемь кварталовъ, по числу великихъ державъ и управляли имъ какъ хотѣли. Несчастныхъ китайцевъ каждый народъ измѣрять своею мѣркой, примѣнялъ къ нимъ свои методы воспитанія и управленія. Безъ пониманія китайской жизни и языка получался хаосъ невообразимый. Въ погонѣ за справедливостію европейскіе правители творили безобразія, не замѣчая сами того. Народъ (жители Пекина) стоналъ подъ тяжестью безтолковаго управленія и теряли всякую вѣру въ культуру европейцевъ. Впрочемъ цѣль военнаго управленія Пекиномъ, когда китайское правительство частью бѣжало, частію спряталось, была двоякая: во—первыхъ насаждать цивилизацію, во—вторыхъ принудить Китай поскорѣе выполнить обязательства договора ихъ съ представителями европейскихъ державъ. Такъ что вторая цѣль достигалась съ успѣхомъ; Нѣмцы въ своемъ кварталѣ драли плетью, требуя поливки улицъ, Австрійцы у себя вели шемакинъ судъ, Французы выполняли свою программу. Пекинцы все терпѣли и въ глаза хвалили своихъ культурегеровъ, а за глаза поносили, затаивая злобу и совѣщаясь о томъ, какъ бы поскорѣе избавиться отъ непрошенныхъ гостей.

Трудное время пришлось пережить и намъ. Миссія была разрушена, христіане, оставшіеся въ живыхъ, нѣкоторое время жили въ Тяньцзинѣ, а по возвращеніи въ Пекинъ, ютились въ плохенькихъ чужихъ фанцахъ. Миссія пріобрѣла тогда у сосѣда, герцога часть его родоваго имѣнія, состоящую изъ нѣсколькихъ десятинъ земли съ остатками полуразрушенныхъ зданій дворцовъ и кумирень. Едва нашлось въ этихъ руинахъ нѣсколько комнатъ, годныхъ для жилья. Обстановка дѣйствовала на насъ крайне неблагопріятно, поддерживая всегда печальное, пугливое настроеніе. Къ тому присоединялось сознаніе одиночества и заброшенности въ такомъ малонаселенномъ кварталѣ Пекина, управляемомъ Японцами. На сосѣдномъ пустырьѣ японскіе солдаты устроили стрѣльбище и надрывали нервы постоянной стрѣль-

бой; нерѣдко обижали нашихъ людей, забирали провизию и посуду съ нашей кухни. По городу, между тѣмъ, ходили чудовищные слухи о передвиженіе войскъ, о готовящемся вторичномъ возстаніи Китая, что на звѣрства европейцевъ китайцы хотятъ отвѣтить тоже звѣрствами. Ничего опредѣленнаго нельзя было узнать, а между тѣмъ христіане приходили; спрашивали, просили совѣтовъ, какъ поступать въ томъ или другомъ ожидаемомъ случаѣ? А многіе просто просили пособія и описывали свое горькое положеніе. Наставшая зима 1901 года была люта и голодна. Случаи голодныхъ грабежей усиливались, положеніе христіанъ ухудшалось, настроеніе портилось до—нельзя. Бывало ночью не сомкнешь глазъ въ нервномъ ожиданіи чего-то худаго, и чего только не передумаешь за ночь. Должно быть, не такъ мучительна бываетъ самая смерть, какъ ожиданіе смерти. Нѣсколько разъ поздними вечерами съѣзжаются къ герцогу какіе-то богатые китайцы, можетъ быть, военные генералы, и долго за полночь сидятъ совѣщаясь о чемъ-то. Христіане рассказываютъ, что рѣчь у нихъ на этихъ собраніяхъ идетъ главнымъ образомъ о вооруженіи Китая и реформахъ въ арміи и выражается негодованіе противъ европейцевъ. Опасность для меня была велика, если судить по тому, что ни одинъ слуга не соглашался ночью оставаться на миссіонскомъ подворьи. Днемъ приходили, готовили пищу, мели, убрали, а ночью оставляли меня одного. Такъ продолжалось всю зиму. Наступала весна, холода еще держались и выпалъ даже небольшой снѣгъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Вотъ въ это-то время къ намъ заявился Мина Лянь. Увидавъ его крохотную фигурку, мы подумали, что голодь загналъ его къ намъ, что онъ пришелъ просить мѣста или пособія, но оказалось не то. Разказавъ намъ объ о. Исаи, онъ заявилъ, что хочетъ вспомнить старину, пригласить священника къ себѣ, отслужить молебень на дому. Я ему указалъ на всѣ неудобства времени для такого дѣла, что по праздникамъ я занятъ служеніемъ въ посольской церкви и дома меня застать трудно, къ Цихоу-мыньскимъ воротамъ, гдѣ живетъ Мина, недалеко, что теперь трудно достать телѣгу, такъ какъ и телѣги почти всѣ угнаны изъ Пекина бѣжавшими жителями, да и лошади всѣ забраны въ войска. Мина не унимался, онъ увѣрялъ, что найдетъ телѣгу, найметъ ее самъ и пріѣдетъ за мною; просить лишь назначить день когда мнѣ это удобно. Отказываться долѣе было нельзя, но и соглашаться не безопасно, ѣхать въ такое тревожное время. Мы не сомнѣвались въ искренности желанія Мины помолиться у себя на дому, но сосѣди его могли устроить намъ какую-угодно неприятность. Однако мы назначили ему день, приблизительно спустя недѣлю, думая, что Мина поразмыслить

и отложить свое намѣреніе, приглашать къ себѣ въ домъ европейца, до болѣе благопріятнаго времени. Къ тому же отъ него, по обыкновенію, пахло водочкой и онъ могъ завтра же забыть о томъ, что говорилъ намъ сегодня. Такъ мы и разстались съ нимъ. Около того же времени главный слуга и расходчикъ нашего подворья разсказалъ намъ, что одинъ богатый купецъ, живущій не подалеку отъ миссіи, поклялся убить кого-нибудь изъ европейцевъ за то, что европейскіе солдаты, какой-то націи, ограбили его магазинъ и убили его дочь въ прошломъ году; теперь онъ только что возвратился на свое пепелище изъ побѣга и обѣщается нанять нищихъ бродягъ, чтобы убить какого-нибудь европейца. У страха глаза велики, надо было каждую ночь поджидать гостей, хотя и днемъ они могли бы также безнаказанно и безъ помѣхи устроить облаву, дворъ былъ безъ охраны и ворота всегда настежь отворены. Опять подъемъ нервовъ, опять бессонныя ночи... Развилась подозрительность: каждому пустячному случаю приписываешь особое значеніе, присматриваешься, прислушиваешься. Однажды часовъ въ десять вечера слышу я—бубенцы на улицѣ. Выглянулъ черезъ разщелину стѣны, вижу—осѣдланныя лошади ходятъ и гремятъ бубенцами, мальчикъ оборванецъ водить ихъ за поводъ. Что за лошади, откуда онѣ въ такую пору? Думаю, спрошу я у мальчика, какъ только онъ поравняется со мною. Не успѣлъ я проговорить и двухъ словъ, какъ мальчикъ опрометью кинулся бѣжать въ сторону, а лошади мѣрной поступью продолжали идти медленно, какъ сонныя, и бубенцы чуть слышно звенѣли. Мальчикъ испугался, конечно, потому, что вдругъ услышалъ непонятный голосъ изъ развалинъ кумирни, и можетъ быть, подумалъ, что злая сила его пугаетъ; я же изъ этого побѣга заключилъ, что дѣло неладно, что это убійцы пріѣхали и теперь ожидаютъ, когда все стихнетъ въ городѣ чтобы, совершивъ свое злодѣяніе, удалиться ни къ мѣ незамѣченными. Я такъ убѣдился въ этомъ, что, казалось ни минуты не сомнѣвался, и, видѣнные мною вчера утромъ на снѣгу слѣды отъ забора къ дверямъ моей кельи, принялъ за вѣрный признакъ готовящагося нападенія. Первое, что я счелъ нужнымъ предпринять, это было—прочитать канонъ на исходъ души, а затѣмъ, по прочтеніи, которое затянулось на два часа, велѣдствіе возбужденнаго состоянія, я погасилъ свѣчу и прилегъ навзничъ на постели, въ ожиданіи—что будетъ. Шумъ многолюднаго города доносился до меня, а я чувствовалъ свое одиночество, сознавалъ, что для меня этотъ городъ—пустыня, что я одинъ и, вотъ, беззащитенъ, и ожидаю смерти... Остатокъ ночи я, конечно не могъ заснуть, а утромъ, когда чуть еще свѣтало, наскоро собравшись, пошелъ въ

русское посольство, чтобы нѣсколько отдохнуть тамъ, такъ какъ послѣ столь многихъ бессонныхъ ночей чувствовалъ большую усталость, головную боль и нѣчто вродѣ лихорадки. Идти пришлось пѣшкомъ по снѣгу около шести верстъ, такъ какъ до самаго посольства не встрѣтилось ни одной телѣги на улицѣ, да и городъ еще совсѣмъ спалъ. За эту дорогу я промочилъ ноги и прозябъ сильно. Подходя къ посольству, я уже мечталъ,—какъ обогрѣюсь и отдохну въ теплой комнатѣ, но и этого мнѣ не удалось сдѣлать. На дворѣ посольства я неожиданно встрѣтился съ посланникомъ, покойнымъ Павломъ Михайловичемъ Лессаръ. Онъ возвращался съ прогулки по городской стѣнѣ, прогулки, которая ему очень не нравилась. Онъ былъ недоволенъ и самой прогулкой и нѣмецкимъ докторомъ, прописавшимъ ему ее. Какая мнѣ прогулка, говаривалъ нерѣдко Павелъ Михайловичъ, у меня болятъ ноги, я едва двигаюсь... да развѣ теперь мнѣ время гулять, когда не выясненъ еще вопросъ о подъѣздныхъ путяхъ въ южной Маньчжуріи, когда наше правительство не слушаетъ совѣтовъ, не выполняетъ своихъ обѣщаній относительно сроковъ эвакуаціи войскъ изъ Маньчжуріи. Однако Павелъ Михайловичъ старался выполнять предписанія доктора, и былъ въ этомъ аккуратенъ, какъ и во всемъ остальномъ. Мы поздоровались, и между нами произошелъ приблизительно такой разговоръ:

—А, батюшка, какими судьбами? Развѣ служить, развѣ сегодня праздникъ? Да какъ же рано,—еще восьми часовъ нѣтъ. Здоровы ли Вы, какъ поживаете?

—Благодарю васъ, живу хорошо, заѣхалъ сюда случайно и хочу остаться здѣсь до воскресенья.

—Вотъ и прекрасно, если будетъ у васъ время, заходите ко мнѣ сегодня въ четыре часа, я васъ буду просить о чемъ-то... Но вы мнѣ дайте напередъ слово, что исполните мою просьбу, хорошо?

—Даю слово, но не знаю, могу ли исполнить ваше порученіе.

О, конечно можете, даже думаю, что кромѣ васъ едва ли здѣсь кто можетъ исполнить. Къ сожалѣнію, теперь я очень занятъ... Да впрочемъ вѣдь это тоже дѣло. Могу ли васъ просить сейчасъ же зайти ко мнѣ?

Я согласился, и мы пошли медленно по дорожкѣ сада, вымощенной квадратнымъ кирпичемъ, прямо по направленію квартиры посланника. Между тѣмъ Павелъ Михайловичъ продолжалъ:

—Вы, можетъ быть, слышали уже, что все зданіе посольства будутъ вновь перестраиваться по особому плану и въ другомъ расположеніи, такъ какъ теперь у насъ земли прибавилось. Пора намъ оставить эти древнія фан-цзы и жить въ европейскихъ домахъ, какъ другія посольства уже и живутъ. Теперь есть на это средства

и приглашенъ министерствомъ уже и архитекторъ. Остановка теперь за домомъ посланника: департаментъ требуетъ планъ и приблизительную смѣту; я бы и хотѣлъ просить васъ сдѣлать набросокъ фасада зданія по тому типу, который я выбралъ въ одномъ архитектурномъ сборникѣ рисунковъ. Я знаю, что вы учились въ академіи и вамъ должна быть хорошо извѣстна классическая архитектура. Кстати я выбралъ образецъ Итальянскаго стиля.

Въ это время мы вошли въ кабинетъ и онъ подалъ мнѣ книгу рисунковъ и продолжалъ говорить:

—Вотъ вамъ это палаццо. Ваша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы измѣнить высоту его приблизительно на одну треть и, затѣмъ составить другой масштабъ для горизонтальныхъ измѣреній. Къ чему намъ такое длинное зданіе? Его можно значительно урѣзать, но пропорція частей и всего контура зданія должна быть соблюдена неизмѣнно. Вы меня понимаете?

—О, конечно, палаццо Карледжіо мнѣ давно извѣстно, это одинъ изъ лучшихъ памятниковъ Ионическаго ордера Эпохи Возрожденія, по грандіозной простотѣ формъ. Мнѣ не хотѣлось бы изуродовать такую дивную вещь, но работа эта требуетъ навыка и постояннаго упражненія въ отысканіи формъ на глазъ, а я, вѣдь, нѣсколько лѣтъ уже не беру карандаша въ руки. Вы, вѣдь, сами инженеръ и, кажется, участвовали въ постройкѣ Закаспійской дороги, вамъ естественнѣе было бы взять на себя этотъ трудъ и выполнить его по своему вкусу.

—Да, правда, я знакомъ съ этимъ дѣломъ, но ровно на столько, чтобы сознать всю его трудность и совершенно устранился отъ него.

Вы знаете ли, я черезъ своего драгомана давалъ этотъ заказъ французскому архитектору, мосье Дюбаръ, и посмотрите же что онъ сдѣлалъ? У него вышелъ вокзалъ какой-то, или казарма, или сарай, но ни какъ не домъ посланника. Онъ какъ будто совсѣмъ не понялъ задачи. Вотъ, этотъ синій, свѣтописный чертежъ, это его проэктъ. По моему это—нелѣпость. Неправда ли?.. Вы видите, что только крайность заставила меня беспокоить васъ,—я не злоупотребляю вашимъ временемъ, и вы должны мнѣ сдѣлать это. Я прошу васъ... Я вполнѣ полагаюсь на вашу вкусъ, да къ тому же... помните, что вы дали мнѣ слово.

—Отъ слова я не отказываюсь, но какъ... же, въ самомъ дѣлѣ я буду рисовать?

—Да такъ и рисуйте, вотъ берите образецъ и нарисуйте, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Очень буду благодаренъ. Пожалуйста не откажите.

Возражать не было никакой возможности; рисунокъ былъ уже въ моихъ рукахъ и, въ нерѣшимости, я распростился съ Павломъ

Михайловичемъ. Такой лестный заказъ, но теперь новая забота, какъ его поскорѣе и добросовѣстнѣе выполнить? Забылъ я про усталость. Послалъ тотчасъ казака за телѣгой, а самъ все думаю, — какъ увеличить чертежъ, какъ измѣнить размѣры, но соблюсти пропорціи. Буду обратно въ миссію, а цѣлый рой воспоминаній объ академической жизни, искусствѣ, профессорахъ, такъ и толпится въ головѣ. Если бы теперь встрѣтились на улицѣ сами боксеры, то и на нихъ едва ли я обратилъ бы какое вниманіе. По пріѣздѣ домой въ свою келью, я нашелъ тамъ все на своемъ мѣстѣ и даже подивился своей трусости въ прошлую ночь. Весело отпустилъ всѣхъ, имѣвшихъ ко мнѣ дѣло, китайцевъ; уплатилъ по счету повару и, запершись въ кельѣ, сталъ готовить все нужное для черченія. Это отняло у меня болѣе часа времени: ни одна линейка не годилась для работы; всѣ надо было провѣрить, и выбрать болѣе подходящую, карандаши къ черченію совершенно не подходящаго сорта, чертежной доски не было, надо было къ тому приспособить обыкновенный китайскій лакированный столъ, установить его ближе къ стеклянной двери, которая служила вмѣстѣ и окномъ. Нелегко было отыскать подходящія кисти и акварельныя краски, отчистить заржавѣлые циркуля и растереть туши на торелку. Когда все это, такимъ образомъ, было приготовлено, началось самое интересное дѣло: увеличеніе чертежа и нахожденіе подходящаго къ размѣрамъ бумаги масштаба. Впрочемъ самое дѣло еще не началось, только взяты были цифры для расчета и полученія коэффиціента требуемыхъ (искомыхъ) величинъ. Міръ искусства, волшебный міръ, какъ онъ можетъ увлекать человѣка, совершенно отрывать его отъ окружающей обстановки, бросать его въ безпредѣльное пространство очаровательныхъ грѣзъ и ясныхъ сновидѣній! Все вниманіе мое приковано къ труду, задача разбирается, разчленяется, становится яснѣе и еще увлекательнѣе. Я не замѣчаю, что кто-то пришелъ и нерѣшительно дергаетъ за ручку двери. Не хочется вѣрить тому, что кто-то пришелъ и можетъ помѣшать работѣ. Кажется, нужно всего времени не болѣе часа, чтобы окончить задуманное, неужели и этого не найдется у меня? Опять послышался шорохъ въ двери и кто-то назвалъ меня по имени. Я взглянулъ за дверь, тамъ стоялъ Мина Лянь. Едва сдерживая досаду, я отперъ дверь и принялся опять сравнивать полученные цифры, думая о томъ, что китайцы иногда приходятъ безъ особаго дѣла, посидятъ, поговорятъ и уйдутъ. Такъ думалъ я будетъ и въ этотъ разъ, но Мина, войдя въ комнату, неторопливо отыскалъ глазами иконы, неторопливо сотворилъ крестное знаменіе, поклонился и сталъ молча среди комнаты. Онъ зналъ за-

чѣмъ пріѣхалъ, а я-то не могъ сразу припомнить даннаго ему мною обѣщанія и тогда лишь спохватился, когда увидѣлъ фигуру Мины въ рѣшительной позѣ ожиданія среди комнаты. Неужели прошла уже недѣля, развѣ сегодня семнадцатое число? спросилъ я его удивленно. Онъ тихо прошепталъ: Да.

—Мина, я къ тебѣ сегодня не могу поѣхать, сказалъ я огорченно, ты видишь я занятъ.—Но какъ же, а обѣщали?

—Обѣщаль. Я не отказываюсь. Но не сегодня, я только было началъ дѣло.

—Какъ же, телѣга жлетъ: я нанялъ телѣгу, издержался..

—За телѣгу я заплачу, только дай ты мнѣ вздохнуть, я пріѣду къ тебѣ самъ. Пріѣду завтра.

Мина бросился на колѣни, слезы выступили изъ глазъ.

—Сегодня обѣщали, сегодня поѣдемъ, непременно сегодня. Сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Сколько ни убѣждалъ я его обождать до завтра онъ остался непреклоннымъ, просилъ, умолялъ. Нечего было дѣлать, надо было уступить, сознавая въ то же время, что всё предположенія могутъ забыться и чертежъ нельзя уже будетъ такъ успѣшно и свѣжо выполнить, а можетъ быть и совсѣмъ придется отказаться отъ его выполненія. Бросаю все, зову понамаря. Тотъ уже ожидалъ меня со всѣми нужными для молебствія вещами. И такъ мы поѣхали.

Домъ Мины, если можно назвать домомъ крохотную клѣтушку, прислоненную двумя сторонами къ городской стѣнѣ, крытую жердями и обмазанною глинной, стоялъ на бойкомъ мѣстѣ, у самыхъ Цихоумынскихъ воротъ. Двѣ стѣны его были казенныя, третья коекакъ склеена изъ бумаги, четвертую составляло окно; оно же служило и дверью. Украшеніе, хорошо прокопченыхъ стѣнъ, составляли: православный стѣнной календарь, чѣтки и крестъ, висѣвшіе на гвоздѣ, и совершенно почернѣвшая дощечка, на которой не возможно было разсмотрѣть какое-либо изображеніе святого. Однако Мина увѣрялъ, что это—образъ, данный ему въ благословеніе его воспріемнымъ отцомъ, іеромонахомъ Исаіей. Все остальное здѣсь было въ миниатюрѣ: половину пола комнаты занимала крошечная лежанка, только Мина могъ ухитриться лежать на такой лежанѣ; въ углу стоялъ черепокъ съ водой, ближе къ двери—переносная печка, сдѣланная изъ керосинной банки. На главномъ мѣстѣ, противъ двери, стоялъ не то шкафчикъ, не то столъ. На немъ была торелка съ фруктами (сухими) и бутылка, горлышко которой служило подсвѣчникомъ. Едва можно было стать двоимъ въ этомъ помѣщеніи, а понамарь оставался за дверью. Мина затеплилъ восковую свѣчу и, принявъ озабо-

ченнѣй видѣ, ожидалъ начала молебна. Во время молебна онъ подпѣвалъ: „Господи помилуй“ по-китайски и „Аминь“. У дверей хижины собралась толпа любопытныхъ, слышно было, что кто-то протискивается впередъ, но вообще молебствіе прошло благополучно. По окончаніи молебна, Мина обратился ко мнѣ съ просьбою служить заупокойную литію по его отцѣ.

—Да вѣдь онъ у тебя былъ язычникъ, некрещеный, какъ же я за него молиться-то буду?

—Язычникъ, это правда, но.. помолитесь.

—Не могу. Развѣ ты не знаешь, что христіане за язычниковъ не молятся.

—Знаю, но.. пожалуйста помолитесь.

—Но, если бы я сталъ молиться, то какимъ бы именемъ я могъ его называть, вѣдь онъ не имѣлъ христіанскаго имени?

—Правда, имени онъ не имѣлъ, но можно дать ему какое-нибудь имя на время помина, чтобы помолиться о немъ. Даютъ же язычники имена своимъ усопшимъ, на время лежанія въ гробу одно имя, на время молитвы о немъ другое, на досточку предковъ пишутъ третье, а душа все одна и та же.

Этотъ доводъ мнѣ показался не достаточно убѣдительнымъ. Тогда Мина сослался на примѣръ о. Исаи, и увѣрялъ, что тотъ молился объ отцѣ его и поминалъ его какимъ-то именемъ.

—Посудите сами, говорилъ Мина жалобнымъ голосомъ, вотъ я христіанинъ, хочу помолиться о своемъ отцѣ (онъ былъ добрый человекъ и имѣлъ желаніе креститься, но не успѣлъ за болѣзнію), неужели мнѣ, христіанину, идти въ кумирню къ жрецу, который бѣсамъ кланяется, и просить его помолиться объ отцѣ моемъ, которому я желаю царства небеснаго? Вѣдь бѣсамъ кланяются, повторялъ онъ, бѣсамъ, — зачѣмъ я пойду туда? И Мина беспомощно разводилъ руками.

Какъ жалко было, что нечѣмъ было помочь этому человеку: вѣрилъ онъ усердно и просто, отдавался волѣ Божей беззавѣтно, движимый любовію къ отцу, онъ просилъ добра для него, просилъ усердно и не получилъ желаемаго. И теперь, когда онъ сошелъ уже въ могилу, вопросъ имъ поставленный тяготитъ совѣсть и его маленькая фигурка, какъ живая, воскресаетъ предо мною, беспомощно разводитъ руками и ждетъ отвѣта.

Пекинъ 3-го іюля 1907 г.

А. А.

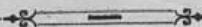
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Пріѣхали мы съ Иваномъ въ Вэйхуйфу во вторникъ 2-го числа въ 8 часовъ утра. Здѣсь все обстоитъ, слава Богу, благополучно, ученики по прежнему учатся. Поступленіе Якова въ Пекинское духовное училище очень оживило здѣшнихъ учениковъ и заставило ихъ усерднѣе заниматься въ виду возможности и имъ въ будущемъ попасть въ Пекинъ. Каждый день по прежнему утромъ и вечеромъ ученики собираются въ церковь на молитву, а по воскреснымъ днямъ дѣлаютъ собранія и съ посторонними. На собраніяхъ дѣлаются китайцами пожертвованія на нужды стана. Такъ въ прошлый мѣсяць на собранныя деньги оклеены были бумагой всѣ окна въ церкви и въ школь, въ помѣщеніи учителя и въ приемной, на что израсходовано около двухъ долларовъ, да еще въ кассѣ остается около десяти долларовъ. Здѣсь урожай хлѣба осенній вышелъ очень плохой, а пшеницу еще не начинали сѣять, потому что не было еще дождей, цѣны на сѣстные припасы опять сильно поднялись. Эти два дня меня осаждаютъ визитеры, здѣсь всѣ очень обрадованы нашимъ пріѣздомъ и съ огорченіемъ принимаютъ извѣстіе о томъ, что мы вскорѣ уѣзжаемъ въ провинцію Хубэй, но я утѣшаю ихъ, говоря, что скоро возвращусь сюда. Нѣкоторые очень желаютъ креститься и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ того времени, когда къ нимъ пріѣдетъ православный священникъ и они сподобятся св. крещенія. Одинъ изъ готовящихся ко св. крещенію постоянно болѣетъ и убѣдительно проситъ меня—нельзя ли окрестить его или хотя бы надѣтъ на него крестикъ, твердо вѣря, что съ крещеніемъ или съ надѣтіемъ крестика Господь подкрѣпитъ его ослабѣвшія силы, я далъ ему икону Спасителя и сказалъ, чтобы онъ какъ можно чаще молился Ему и, если не въ силахъ дѣлать это стоя, то можно сидя или лежа молиться Богу. Всѣ, приходившіе ко мнѣ, откровенно рассказываютъ про свои домашнія дѣла и про случаи, въ которыхъ они видятъ или помощь Божию, или препятствія, устраиваемыя діаволомъ, чтобы помѣшать имъ сдѣлаться христианами. Такое ихъ расположеніе ко мнѣ трогаетъ меня до глубины души.

Погода здѣсь тихая и теплая. Завтра думаемъ выѣхать въ главный городъ провинціи Хонань Кайфынъ-фу. Постараюсь написать оттуда.

Вэйхуйфу 4-го Октября 1907 г.

Монахъ Антоній.

Хроника церковной жизни.

Пекинъ, 25-го Сентября. Сегодня за всенощнымъ бѣнїемъ совершено постриженіе въ мантию иподіакона Сергія Савинова съ именемъ Антонія. Юный инокъ, ему всего 23 года, большую часть своей жизни провелъ въ стѣнахъ монастыря. Одиннадцати лѣтъ поступилъ онъ въ Чудовъ монастырь въ Москвѣ, гдѣ пробылъ пять лѣтъ, затѣмъ въ Высокопетровскомъ монастырѣ—два года, а въ Пекинской Духовной Миссіи состоитъ съ 1902 года. За пять лѣтъ своего пребыванія въ Китаѣ инокъ Антоній порядочно усвоилъ китайскій разговорный языкъ, ознакомился съ жизнью Китайцевъ, стерпѣлся съ ней, жилъ среди Китайцевъ въ провинці Хэнань и теперь, предъ отправленіемъ на проповѣдь на югъ Китая, принялъ мантию, такъ сказать, чтобы закрѣпить себя навсегда въ Миссіи. Постриженіе совершено торжественно самимъ настоятелемъ Успенскаго монастыря Преосвященнымъ Иннокентіемъ при соучастіи всей монашествующей братіи монастыря. Иннокентіевская церковь была полна молящимися, въ числѣ коихъ были замѣтны и гости изъ русской колоніи въ Пекинѣ. Исполняя свое давнишнее горячее желаніе дать обѣты монашества въ надеждѣ на помощь Божію при исполненіи ихъ, юный инокъ громко и внятно произносилъ слова обѣтовъ, что произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви. По окончаніи пострига Преосвященнѣйшій Иннокентій привѣтствовалъ молодаго инока рѣчью, въ которой обстоятельно изложилъ православное ученіе о послушаніи, какъ обязанности каждаго христіанина, какъ монашеской добродѣтели и подвигъ, возвышающемся надъ всѣми другими подвигами, и наконецъ, какъ необходимомъ условіи въ дѣлѣ спасенія и подражанія Христу, Который “послушливъ былъ даже до смерти“. По выходѣ изъ церкви, вся братія со свѣтильниками проводила своего новаго собрата въ владычни покои, гдѣ Владыка благословилъ его иконою Божія Матери и напутствовалъ словомъ о необходимости имѣти общеніе съ Китайцами, которые теперь массами стремятся къ церкви, наблюдаютъ нашу жизнь и, если увидятъ въ ней хорошіе примѣры, то не замедлятъ подражать имъ.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Начальнику Россійской Духовной Мисси въ Пекинѣ, Преосвященному Иннокентію, Епископу Переславскому № 9723.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1, полученное 22 Мая сего года прошеніе завѣдываемаго дѣлами Пекинской Духовной Мисси Архимандрита Авраамія о разрѣшеніи постройки каменнаго храма на подворьи Мисси въ пригородѣ города Харбина, именуемомъ Пристанью, и 2, отношеніе Хозяйственнаго при Святѣшемъ Синодѣ Управленія, отъ 27 Іюня сего года за № 16009, съ заключеніемъ по предмету означеннаго ходатайства. ПРИКАЗАЛИ: Завѣдывавшій дѣлами Пекинской Духовной Мисси Архимандритъ Аврааміи проситъ о разрѣшеніи построить на подворьи Мисси въ пригородѣ гор. Харбина—Пристани каменный храмъ, по проэку № 8 изъ изданнаго Московской Синодальной Типографіею атласа плановъ и фасадовъ церквей, на средства подворья, по мѣрѣ ихъ поступленія. Обсудивъ это ходатайство, Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія, не усматриваетъ препятствій къ дозволенію названнаго сооруженія, на изъясненныхъ въ прошеніи Архимандрита Авраамія условіяхъ, т. е. исключительно на средства подворья, безъ всякаго пособія изъ Синодальныхъ суммъ, и потому опредѣляетъ: дать о семъ знать указомъ Вашему Преосвященству, для зависящихъ распоряженій, а въ Хозяйственное Управленіе передать, для свѣдѣнія, выписку изъ сего опредѣленія. Августа 24 дня 1907 года.

Оберъ—Секретарь П. Исполатовъ. Секретарь г. Левицкій.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Начальнику Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ, Преосвященному Иннокентію Переславскому № 12322.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: рапортъ Вашего Преосвященства, отъ 24 Августа сего года за № 204, съ ходатайствомъ объ измѣненіи нынѣшняго названія издаваемого въ Пекинѣ журнала „Извѣстія Братства Православной Церкви въ Китаѣ“ и наименованіи его „Китайскимъ Благовѣстникомъ“, въ виду того, что съ отдѣленіемъ желѣзнодорожныхъ церквей въ Маньчжуріи въ вѣдѣніе Аріепископа Владивостокскаго, районъ дѣятельности Братства ограничивается лишь православными общинами Китая, и дѣятельность его принимаетъ исключительно благовѣстнической характеръ. ПРИКАЗАЛИ: Въ уваженіе настоящаго ходатайства Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Вамъ издаваемый въ Пекинѣ журналъ выпускать въ свѣтъ подъ названіемъ „Китайскій Благовѣстникъ“, вмѣсто прежняго названія „Извѣстія Братства Православной Церкви въ Китаѣ“ о чемъ и послать Вашему Преосвященству Указъ, а въ Канцелярію Оберъ—Прокурора передать для свѣдѣнія выписку изъ сего опредѣленія. Октября 16 дня 1907 года. Оберъ—Секретарь П. Исполатовъ, Секретарь Г. Ливицкій.

Житіе Святителя Іоанна Златоуста*)

聖金口伊鄂昂傳

第一節

聖金口伊鄂昂以三百四十七年生於昂提沃吸亞、其父母俱爲極有名望、極有錢財者、父先空脫、居元帥之職、母昂呼莎、尊貴女也、彼夫婦俱奉教人中之耿耿者、青年之候、生一女、越兩載、又生一子、乃名伊鄂昂、先空脫未享家庭之幸福、竟遺下寡婦孤兒、遂遭大變、時昂胡莎年方二十、彼鑒諸不幸、誠可悲兮、毫不動再醮之心、一意撫育兩兒、以全母儀之道、立志方決、新悲又起、小女兒相繼而死矣、於是惟昂胡莎母子二人存焉、昂呼莎者、尊貴女也、希冀其子得能成立、故於平日之間、教導之、極其認真、迨伊鄂昂稍長、卽送之入學校、出其所有之積蓄、以栽之培之、伊鄂昂年十四十五之際、由利昂未踐帝位之時亦一教人嗣位之後遂卽叛教在位、苛待奉教之人、專使人民輕視教會、以爲己任、雖不及殘酷時代之逼迫、乃遭其困難、亦得謂不堪矣、一日由利昂至昂提沃吸亞、上廟焚香、致祭、見廟宇零丁不成格局、而彼處相近有聖堂一所、見其中士人非凡擁擠、遂發怒、且設奸險之計、窘迫而虐待之、堂卽爲之封閉、堂中瓦韋泐之聖軀、亦命移出城外、奉教人雖無可奈何、然莫不欣欣然且請且

*) Переведенное на китайскій языкъ учениками Пекинской катехизаторской школы Петромъ Чжанъ и Павломъ Танъ.

出慶此日爲佳節也。當由利昂出令之時，天降大雨，忽將彼處邪神之廟，雷擊電焚。由利昂卽誣爲奉教人所縱之火，遂又出令封閉該邑至大之聖堂。其中有聖人肥鄂特利特致命於是役也。且奉教人之被株連者，亦復不少。此情此境，正印於伊鄂昂腦中，其以年輕力薄，雖有志亦不得竟成之，殆由利昂卒，肥鄂多錫乙繼之，與奉教人能相洽，不若由利昂暴戾之不堪矣。伊鄂昂年方十八，已然畢業，昂胡莎見伊鄂昂有口才，善於辯駁，乃復令拜辯士利汪，乃由利昂之襄助者，爲師專修口才之學，兼習性理。後利汪在臨終時，門人問曰：何人可繼吾師之任？曰：伊鄂昂有口才，有智慧，堪任之。但惜其爲奉教人耳。伊鄂昂本有天然之聰慧，過人之文雅，故從利汪後，卽爲有名之人物矣。卒業之後，依律例卽可執政，但伊鄂昂畏宦途之煩雜，時局之不一，不願爲官，遂受律師之職。於是見多識廣，以審判事故，鮮有不與之相識者。他輩少年，邀其觀劇，於交情上，碍難推却，故不免入此門之境也。雖然，于不正之事，毫不能動其諸念，且足使之驚慌也。於是看破紅塵，決棄律師之職，而就修士。於此反覆之舉，瓦錫利乙實極力贊成之。瓦錫利乙者，伊鄂昂之同一學校，同一班值，同一程度之善友也。彼等卒業之後，兩相分離，伊鄂昂乃任俗務去矣。而瓦錫利乙則就修士去矣。嗣後，瓦錫利乙有善行，灌于

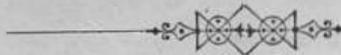
伊鄂昂耳中大有感化、且瓦錫利乙又隨時開導、乃使伊鄂昂棄厥職而就
修士之舉、毅然決然矣、伊鄂昂當卽稟明老母、奈老母不之許、蓋老母方冀
享受幸福、以報劬勞、而乃聞此反覆、實於心有所不忍也、伊鄂昂碍難逆命
故依然侍母在家、乃不視律師之事、舉止行爲儼然修士、伊鄂昂之專任神
靈事業、其原因實起於此也、時伊鄂昂年二十有二、乃受聖洗、欲究其遲延
受洗之所以然、其故非一端焉、當時之風俗、人必待及笄後、方許受洗、矣、使
其慎重機密、而以全心全意領受之也、伊鄂昂之所以不早領洗、其故一、當
時昂提沃吸亞異端四起、惑亂民心、與教會爲敵、邑中主教哱連提乙者、被
驅城外、伊鄂昂之所以不早領洗、其故二、昂胡莎以異端甚衆、難辯真僞、不
敢冒失從事、伊鄂昂之所以不早領洗、其故三、坐此三因、伊鄂昂能不遲遲
乎、當此之時、主教哱連提乙已回堂、伊鄂昂乃就之而受洗矣、主教哱連提
乙見其有虔敬之心、乃使其爲堂中之誦經者、蓋誦經能使人激昂心志、於
善行上更有感情者也、伊鄂昂既任聖堂執事、乃誓曰、諸凡世務之語、永不
出諸其口、因其憶爲律師之時、於言語上不能謹慎、故在此之後、雖笑話亦
絕不出口矣、平靖未幾、忽然又起風波、排教會、聲勢汹汹然、又將主教哱連
提乙驅出城外、時局又爲之一變、伊鄂昂之母昂胡莎乃卒於是時焉、伊鄂

昂有母故之憂兼異端之逼、乃決意棄世俗而任修練、遂邀其友瓦錫利乙同向曠野而往焉、彼等於平日之間、富有著作、述修練者居多、故闔邑居民、莫不知彼等爲有德行者、主教等甚願舉彼等爲主教、年少人之任主教職者、果爲當世所罕見、然以彼等之德行觀之、實堪任也、伊鄂昂聞斯音信、自知爲榮、但甚驚異、蓋主教之職、非同小可、自以爲無德無能、不敢自居重任、故辭彼等之請、竟往其欲往、行其欲行、直達向有之目的、舒其積悃爲標準焉、於是與瓦錫利乙作別、獨自前往瓦西利乙、則欣然領受、毫不推却、惟以伊鄂昂之分離、不免有所悵悵然耳、伊鄂昂作書六段告諸衷曲、盡述牧者之難處、及其不擔任主教之所以然、方解其悶、自茲之後、伊鄂昂更加虔敬、於善功上大有工夫焉、至昂提沃吸亞相近之山、其中有修後世之福者、有避異端之鋒者、一似上帝之兵丁、行事莫不凜凜然、惟恐罪之或有焉、彼等有常例、半夜起身事奉上帝、畢後、稍息片時、至天曉時分、再起事奉、嚮晨課後、各自歸房或祈禱、或諷經、或譯聖書、或作訓導、各有專司焉、彼等且定有時刻、諷誦三六九時課、及抵暮課、以事上帝、餘下時間、則工作一切事務、以資生活、凡飲食等事、莫不共同、一似宗徒時代之同心、然無分爾我也、伊鄂昂甚願畢生在彼、但纔及四載、以上帝之命而異其志、蓋光之射出、不當隱

暗處、而當照於四方也、彼受
 於困乏、以致得病、乃離曠前、
 而回昂提沃吸亞城內、此教
 上帝命也、既至、呼連提主野
 甚歡迎之、且聖之爲輔祭、實
 者、堅辭主教之位、今者、溫過
 輔祭之職、其非主命而何、

昂有母故之憂兼異端之逼、乃決意棄世俗而任修練、遂邀其友瓦錫利乙、

СОДЕРЖАНІЕ

Въ первомъ числѣ
 Францискъ въторгнулся въ Китайскій городъ
 и т. д.
 Во второмъ числѣ
 Францискъ въторгнулся въ Китайскій городъ
 и т. д.
 Во третьемъ числѣ
 Францискъ въторгнулся въ Китайскій городъ
 и т. д.
 Во четвертомъ числѣ
 Францискъ въторгнулся въ Китайскій городъ
 и т. д.
 Во пятомъ числѣ
 Францискъ въторгнулся въ Китайскій городъ
 и т. д.
 Во шестомъ числѣ
 Францискъ въторгнулся въ Китайскій городъ
 и т. д.
 Во седьмомъ числѣ
 Францискъ въторгнулся въ Китайскій городъ
 и т. д.
 Во восьмомъ числѣ
 Францискъ въторгнулся въ Китайскій городъ
 и т. д.
 Во девятомъ числѣ
 Францискъ въторгнулся въ Китайскій городъ
 и т. д.
 Въ десятомъ числѣ
 Францискъ въторгнулся въ Китайскій городъ
 и т. д.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ складѣ при Благовѣщенской церкви
въ Харбинѣ на Пристанн
постоянно имѣются церковныя свѣчи
чистаго пчелинаго воска.

По соглашенію съ Владивостокской Духовной Консистоіей
установлена оптова я цѣна на свѣчи:
для церквей по линіи Кит. Вост. ж. д.— по 32 руб. за пудъ,
за наличныя деньги или на мѣнъ огара,
который отъ церквей принимается по 19 руб. за пудъ.
Огаръ отъ плохихъ свѣчъ не примається вовсе.

Магазинамъ и частнымъ лицамъ свѣчи могутъ быть отпущаемы по 38 руб. за пудъ
въ количествѣ не менѣе полупуда.

Доставка на счетъ покупателя.

Адресъ требованій:

Харбинъ, Пристань Благовѣщенская церковь.

Иногородніе заказы исполняются по полученіи задатка.

СОДЕРЖАНІЕ.

Въ провинціяхъ Китая.
Французскія католическія миссіи въ девятнадцатомъ столѣтіи.
Мина Лянь.
Корреспонденція.
Хроника церковной жизни.
Официальный отдѣлъ.
Житіе Святителя Іоанна Златоуста
Объявленіе.

Редакторъ Архимандритъ
Авраамій.

Печатать дозволяется.
Епископъ Иннокентій.

Г. ПЕКИНЬ.

Типографія Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Миссіи

1907.